

Из жизни энергетиков-атомщиков

Этот материал во многом посвящен непростому периоду в развитии украинской атомной энергетики. Говорят, что для родителей очень трудно психологически перенести, когда их маленькие дети, подхватив какой-то вирус, тяжело болеют. Так произошло и с первенцем украинской атомной энергетики – Чернобыльской АЭС, когда на четвертом энергоблоке станции произошла техногенная катастрофа запредельного уровня. Потом много дней шли работы по ликвидации последствий аварии, не закончились они и сейчас, спустя 30 лет. За это время в кратчайшие сроки – за 206 дней и ночей – был построен саркофаг (объект «Укрытие») над разрушенным энергоблоком, сократилась зона отчуждения, состоялась надвигка Арки уже нового НБК, который скрыл от глаз очертания саркофага. Новое укрытие рассчитано на сто лет. Жизнь продолжается, но каждый человек и всё человечество не вправе забывать исторические вехи своего развития, тем более если за этими событиями стоят людские жертвы и человеческий подвиг.

Рассказывают ветераны атомной энергетики:

■ Первый директор объекта «Укрытие» Владимир Григорьевич Щербина (из выступления на праздновании 30-летия со дня постройки объекта «Укрытие»):

«Дорогие друзья! Мы это сделали! Из тех людей, кто стоял у истоков строительства объекта «Укрытие» и начала его существования, осталось немного. Я хочу рассказать о наиболее трудных или памятных моментах всей нашей эпопеи. Уже 9 мая 1986 года было отмечено, что радиоактивные выбросы из разрушенного реактора четвертого энергоблока Чернобыльской АЭС если не стали менее безопасными, то значительно снизилась их интенсивность, в этот день было принято Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о проведении дезактивационных работ на территории Украины и Белоруссии. 16 мая было принято решение о консервации разрушенного 4-го энергоблока Чернобыльской АЭС. 20 мая последовал приказ №211 «Об

организации строительства на Чернобыльской АЭС» Министерства среднего машиностроения, на которое возложили всю деятельность по проблемам объекта «Укрытие», он говорил о создании Управления строительством (УС №605). 30 мая начались реальные активные работы по строительству объекта «Укрытие-1». Никто и тогда не верил, что это можно сделать, да и сейчас всё это трудно представляется. Это стало возможно потому, что работал интернациональный коллектив мощной страны, едва ли где-то ещё можно было найти подобные примеры. Основную нагрузку несли работники Средмаша, но без увязки проблем работ по объекту «Укрытие» с работами на станции, без тесного контакта с самими работниками Чернобыльской АЭС было просто невозможно! На станции стал создаваться коллектив, который осуществлял это взаимодействие, и возглавил его Георгий Рейхман. Это стало одной из составляющих того успеха, которого мы добились. Еще один интересный факт о событиях 30 ноября. Государственная комиссия, которая была создана для принятия Саркофага в эксплуатацию, и ее председатель – министр Минатомэнерго, чувствуя ответственность, не совсем понимая, что такое техническое обслуживание объекта, как им заниматься, насколько долго выдержит Саркофаг, не сразу решились на это. Только 29 ноября Государственная комиссия одобрила принятие объекта в эксплуатацию, а 30 ноября АКТ приемки подписали все члены комиссии. Это не было проявлением трусости, это была осторожность людей, которые понимали, что в их руки

приходит, образно говоря, не просто кот в мешке, а горящий уголь, который и бросить нельзя, и удерживать очень трудно. С этого момента и началась эксплуатация объекта «Укрытие».

■ Директор объекта «Укрытие» с 1995 по 2002 год Валентин Ипполитович Купный:

«Сегодня я могу точно подтвердить выражение Владимира Удовиченко о том, с чего начинается работа настоящего мэра. Я пришел директором объекта «Укрытие» в 1995 году, но знаком с ним был еще раньше, так как в сферу моей работы в зоне входил и этот объект. Мне запомнилось одно из первых посещений объекта уже в статусе директора, когда я своим появлением на площадке объекта немного удивил дозиметриста (открыто говорю всё!) и показал путь, каким прошел, образно говоря, знакомыми дырами. Обходя объект, знакомясь ближе с участками, захотелось, как говорится, в места не столь отдаленные. На мой вопрос к ребятам одной из рабочих смен меня повели вниз на какую-то отметку, где было нужное помеще-

ние (санузел), причем он находился закрытым на замок, ключ – у ответственного. Естественно, я спросил у сопровождающего: а зачем под ключ? Мне объяснили, что туалет всего один на весь объект, они его сами чистят и поэтому других не пускают. Вот так одной из первых моих задач стало проведение воды и установка туалетов на всех уровнях. Естественно, был решен и вопрос с излишним запахом сероводорода, который возникал от неработающих санузлов. Эта задачу необходимо было решить, так как она улучшала условия работы коллектива и так в непростых условиях. С точки зрения производственно-экономических задач, мы сделали шаг вперед. После ратифицирования договора с банком мы за 1998 год провели пять тендеров, в которых участвовало более двухсот фирм. Сегодня мы стали свидетелями установки Арки НБК в рабочее положение. Я считаю, что это пока – нечто большого амбара, а необходимо выполнить всё оснащение НБК в полном объеме, иначе всё это ляжет тяжелым грузом на плечи Украины, работников ее атомной энергетики. Прием в эксплуатацию нового объекта должен быть проведен при выполнении всех технических заданий. Конечно, очень бы хотелось, чтобы при завершении работ по НБК преобладали не политические и бизнес-вопросы, а работали вопросы технической физики, безопасности работ на объекте, решались социально-экологические вопросы жизни населения. Очень хочется, чтобы Арка НБК стала не только отличным ориентиром для перелетных птиц, как записано в документе о влиянии Арки на окружающую среду, но и выполнила свое функциональное предназначение на ближайшие 100 лет. В канун Дня энергетика хочу поздравить всех с профессиональным праздником, пожелать успешного и качественного завершения строительства НБК, коллегам – благополучия и здоровья!»

■ Черниговец Сергей Борщенко проработал на объекте «Укрытие» с 1992 по 2004 год. Сегодня он продолжает трудиться программистом на ГСП «ЧАЭС».

«Я в юности не думал, что буду работать на атомной станции. Закончил Нежинский педуниверситет, преподавал математику в школе №1, работал в УПК, частных фирмах, потом знакомые подска-

зали, что нужны программисты на Чернобыльскую станцию. Я решил пойти туда на работу – и неординарное место работы, и немаловажную роль сыграло то, что неплохая зарплата. Начал я работу в 1992 году в цехе ТАИ (цех тепловой автоматики и измерений). Вначале всё было ново и немного удивительно. Это и строгий контроль, и правила поведения на станции. Потом привык, сработался с ребятами. Один из первых кабинетов у нас был на острове, недалеко от пятого энергоблока. В последние годы перед остановкой станции в 2000 году у нас работал только первый энергоблок. День 15 декабря 2000 года действительно стал черным днем для коллектива станции – до последних дней перед этим событием многие из нас не верили, что станция будет остановлена. Человеческое горе, которое испытывали работники станции, было неподдельным. Когда прошла реорганизация подразделения ГСП «ЧАЭС», ликвидирован обособленный объект «Укрытие», нас разбросали по разным подразделениям и цехам. Вместе с женой Полиной живем в Чернигове, но часто встречаемся с друзьями и коллегами в Славутиче, и не только по работе, ибо я и сегодня ещё продолжаю работать на ГСА ЧАЭС, но и в дружеской обстановке. И хотя сегодня судьба разбросала нас по разным цехам и подразделениям, мы не забываем, что работали на объекте «Укрытие». В этом году исполнилось 30 лет Саркофагу, и я поздравляю всех коллег с этой датой. Всем семейного благополучия, счастья, здоровья и уверенного взгляда в будущее! А тех, кого уже нет вместе с нами, мы будем помнить и чтить их трудовую доблесть».

■ **Еще одним собеседником и рассказчиком о некоторых моментах работы станции в период после 1986 года стал Алексей Курочкин, который был в командировке на Чернобыльской АЭС в июле–августе 1986 года и в тот же период в 1987 году, потом приехал окончательно работать на Чернобыльскую АЭС в 1991 году и проработал до 2011 года. Естественно, первым вопросом был о том, как и почему он попал на Чернобыльскую АЭС?**

Отвечает санитарный врач Алексей Курочкин:

«В далеком 1975 году после окончания мединститута я был направлен по распределению в подмосковный город Дубно, где работал в объединенном институте ядерных исследований врачом по диетпитанию – изучал питание людей, которые работали в зоне ионизирующего излучения. Питание, конечно, было очень хорошим, а так как там работали немцы, чехи, то на раздаче в столовых стояло даже чешское пиво. Они без этого не могли, и им разрешалось. Там я проработал с 1975 по 1981 год. В 1981-м я переехал в Мурманск–60, где работал санитарным врачом на заводе по ремонту и модернизации атомных подводных лодок. В 1986 году, когда произошла авария на Чернобыльской АЭС, мы узнали об этом спустя несколько дней уже после 26 апреля. Еще через несколько недель я попал в состав медицинской бригады, которая направлялась для оказания помощи по ликвидации последствий аварии на атомной станции (от автора: Не сразу признался Алексей Курочкин, что он, будучи секретарем парторганизации, одним из первых подал заявление на участие в этой командировке, но главный санитарный врач города его не отпускал. Для того, чтобы принять участие в этой работе, ему пришлось обратиться к главному санитарному врачу 3-го Главного управления, только после этого он был направлен в составе врачей Министерства здравоохранения СССР на Чернобыльскую АЭС). Будучи знакомым с радиоактивным излучением, я не был сильно взволнован, поэтому посещение Киевской медсанчасти, где был размещен перевалочный пункт для медиков, направляющихся в зону, сама поездка на специальном автотранспорте особо мне не запомнились. Разместили нас в Чернобыле, в одном из общежитий около кафе по улице Кирова, которое было специально отведено для медиков. Мы обслуживали Зеленый мыс, работников станции. Что меня в первые минуты удивило, так это наличие множества людей, и причем все были одеты в белую одежду. Удивление быстро прошло, потому что и я тоже полу-

чил такую форму. По роду моей работы мне приходилось бывать в районе четвертого разрушенного энергоблока и строящегося саркофага. Сверхволнения какого-то не было, наверное, хорошо сказывались слова напутствия бывшего начальника Третьего главного управления Евгения Воробьева, который сказал, что профессионалы не облучаются, это только неграмотные могут получить большую дозу облучения. Месяц (часть июля и августа) командировки пролетел быстро и я опять вернулся на Север. Можно сказать, что тогда я не интересовался и не знал, что есть какие-то льготы и их можно оформить. Я даже свой дозиметр забрал с собой как сувенир. Количество полученного облучения за первую командировку я не фиксировал. Наверное, благодаря этому в августе 1987 году меня снова направили в командировку на Чернобыльскую АЭС. После этой командировки я уже оформил полагающиеся льготы. В этот раз наша бригада не только контролировала саму станцию, но и строительство нового города – Славутича. В этот период активно строились прибалтийские кварталы. Мне очень нравились культура поведения и работа строителей из Прибалтики. Чувствовался их какой-то особый менталитет. Когда бы ни приходил к ним, они всегда сначала здоровались, были вежливы, обходительны, на мой взгляд, это очень импонировало. После двух командировок мне даже предлагали должность главного санитарного врача на Смоленской АЭС, но меня манил Север, и я вернулся на прежнее место работы, но о растущем молодом и красивом городе я помнил всегда. И в 1991 году я приехал в Славутич и работал заведующим лабораторией, которая находилась на промплощадке атомной станции, осуществляя государственный санитарный надзор за ЧАЭС. В 1998 году я, благодаря поддержке заместителя директора объекта «Укрытие» Валентина Купного, по безопасности – Артура Корнеева, был переведен на работу на объект «Укрытие» и стал начальником экологической лаборатории. В 2003 году уже был создан ГУП, и меня перевели туда, где я и проработал до 2011 года, после чего вышел на пенсию».

– **Как санитарного врача, непосредственно знакомого с экологической обстановкой территории станции, как лично вы считаете: была ли возможность не закрывать Чернобыльскую АЭС и достраивать пятый и шестой энергоблоки?**

«Лично мое мнение такое: не было особой нужды останавливать станцию. Я всю свою профессиональную деятельность связал с экологией атомных предприятий и считаю, что можно было достраивать пятый и шестой энергоблоки. Территория всё равно уже загрязнена, выбросы из четвертого блока не грозят, некоторые ученые мужи говорят об особенностях почвы, но четыре блока стоят. Я больше доверяю исследованиям почвы, которые проводились в прошлом столетии. К слову сказать, ведь собираются в зоне Чернобыльской АЭС строить Централизованное хранилище. Сегодня электроэнергия Чернобыльской АЭС была бы хорошим аргументом в вопросе экономической и энергетической независимости Украины».

Вадим ИВКИН